

Вдоль времени

Прибрежное и морское в стихах Натальи Аришиной

Наталья Аришина. Поблажка. – М.: Крузь, 2006, 128 с.

Борис Романов

Новая книга стихов Аришиной издана в редкостном, альбомном формате. Стихотворения в ней размещены по горизонтали. Когда-то, уже давно, в канцелярских товарах продавались альбомы для эскизов (они так и назывались), очень похожие на эту книгу. Читая ее, неожиданно обнаруживаешь, что формат не прихоть и не изыск, что ее мир неожиданно расположился не поперек, а вдоль – вдоль высокого бе-

киз так живописен? Потому что Аришина пишет не открытым цветом, не краской, а живым чувством, и выжженная полынь, пылающие маки, ржавеющий баркас, и тельняшка, и даже наколка – все это не названные, но въяве присутствующие оттенки и полутона. А чаще изображения монохромны, но графически выразительны, переданы интонационным движением, стиховым жестом.

Экономность в слове и цвете, выразительность линии – все это делает книгу Аришиной, не случайно напоминающую скромный альбом для эскизов, цельной и разно-

стойкий –/ подгорелым рисом тянет из пристройки».

В книге вообще много географического пространства, но это не стихотворство литературных путешествий, не туристический дневник лирика. Для Аришиной море – возвращение к себе, это ее судьба: дочь морского врача, у моря она родилась, вдоль моря – от Кенигсберга до Владивостока – протянулся ее Высокий берег. У нее не случайны переключки с анапчанкой Елизаветой Кузьминой-Караваевой, от которой ее тем не менее отличает многое, поскольку Кузьмина-Караваева – Мать Мария, женщина философического

склада, богословствовала и вопрошала не в одних стихах.

Вообще говоря, русская женская поэзия началась когда-то с соперничества двух поэтесс – Евдокии Ростопчиной и Каролины Павловой. Если Ростопчина простодушно восклицала: «Прощай! Роковая разлука! Настала, о сердце мое,/ Поплачусь долго мукой/ За краткое счастье свое», то потом Брюсов подхватил как раз строчку раздумчивой и не по-женски мастеровитой Павловой о поэзии: «Мое святое ремесло!» В аришинской лирике, очень женской по своему настрою, по видению деталей, удивляет почти

мужское мастерство. Вообще же сочетание мужской хватки и женского начала мало кому из поэтесс дается. Они, как ни странно, более рассудочны, нежели поэты. Но ничего заведомо расчисленного не отыщется в этих стихах, посвященных памяти Кузьминой-Караваевой: «...Увы, я засыпаю лишь во мраке –/ и наяву нельзя увидеть мне/ кузнечика, сложившего подкрылки/ на пожелтевших скифских черепках,/ апостолика узел на затылке/ и четки в нецелованных руках».

Книга Натальи Аришиной названа «Поблажкой» не в последнюю очередь потому, что она ощу-

щает и в счастье и в несчастье некую поблажку самой судьбы в том хотя бы, что ей дано пережить их еще и в слове. Эта книга, естественно продолжая вышедший в 2003 году томик полуизбранного «Терновник» (см. отзыв Татьяны Бек в «НГ Е!» от 12. 02. 04; кстати, в «Поблажке» два стихотворения посвящены памяти Бек), представляет некий новый период жизни, согретый такой естественной для наших дней горечью. И собственные утраты, как бы сдержанно о них ни говорилось, делают негромкий звук этой книги особенно щемящим и запоминающимся. ■

От Кенигсберга до Владивостока протянулся ее Высокий берег

рега, вдоль московской улицы, вдоль времени. Вдоль берега шумящее море, вдоль улицы гремющий мегаполис, вдоль времени располагаются тени, которые ей сопутствуют. «Я жить хочу, с тенями я не спорю...» – говорит она, и не только не спорит, но и нигде не переходит некой, давно для себя проведенной черты. Нет, здесь не робость неуверенного слова, здесь достоинство и стойкость. Это и характер, и поэтика. Наверное, отсюда и лаконизм, не изложение обстоятельств, а меткий, чуть подцвеченный набросок, чуточку переданное созвучие, с излюбленной оркестровкой на эль: «Еще не выжжена полынь, еще всю пылают маки,/ морская синь, и неба синь, и две блохастые собаки,/ старик с разорванной губой, его тельняшка и наколка./ На редкой глине голубой не процветает быт поселка./ Эль затеняет сельсовет, как старое бельмо – ресницы./ И флагов нет, и власти нет, поют щеглы, звенят синицы./ Баркас ржавеет на мели. Кому спускать его на воду,/ колы в этом уголке земли не прибавляется народу?» Тут всего два названных цвета, и они – синь и голубизна – в одной гамме. Почему же этот эс-

образной. Может быть, так широко присутствующее в этой книге море вошло в ее просодию отголосками античных метров и интонаций. Причерноморский пейзаж невольно заставляет переключаться с ними. Единство сдержанной, подчеркнута негромкой интонации, естественное дыхание еще острее подчеркивают горечь переживаний, трагические ноты стихотворной речи. В книге очень женское и интимное ощущение трагического на переломах и собственной жизни, и большого, исторического времени.

Прибрежное и морское пространство присутствует в стихах ощущением бездны, но эта бездна без романтического пафоса: «Ты снимаешь угол возле автомойки./ Дальше – только свалка и начало стройки./ А других строений нет на косогоре./ Ниже – только бездна, ниже – только море./ Шаткие ворота, чахлая ракета./ Во дворе земляца временем прибита./ Каменная с виду, ни одной травинки,/ а на частотке – две щербатых кринки./ Если угол зренья изменить немного –/ через степь и небо полетит дорога./ Втягиваешь в ноздри дух полыни

Женское начало и мужская хватка. То, что надо для поэтессы.

Н. Терпсихоров. Своими руками

НГ Экспресс. - 2006 - 28 сент. - с. 7